

Фантакрим

ФАНТАСТИКА
ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ДЕТЕКТИВ

micro

Рэй БРЭДБЕРИ
Владимир ПУГАЧ

ДАЛЬНИЙ
ПОИСК

НОВЕНЬКИЙ

**ББК 84.7 Ам.
Б 87**

**Издание подготовлено литературно-издательским
агентством «Эридан»**

Брэдбери Рэй.

Новенький. Фантастический рассказ.

Пугач Владимир.

Дальний поиск.

**Фантастический рассказ. М.: Прометей,
1989. — 32 с.**

Творчество Рэя Брэдбери — это, прежде всего, глубокое исследование человеческой души. Какими бы фантастическими ни были миры, созданные воображением писателя, образы героев, живущих в этих мирах, всегда узнаваемы. Это — люди. Со всеми их страстями, желаниями, стремлениями и заботами. Таковы и герои рассказа «Новенький», которым жестокая судьба подарила, казалось, утешение..

В маленьком рассказе Владимира Пугача речь тоже идет, казалось бы, о людях...

Б $\frac{4703040100-282}{183(2)-89}$ без объявл.

**© Издательство «Прометей» МГПИ
имени В. И. Ленина, 1989**

РЭЙ БРЭДБЕРИ

НОВЕНЬКИЙ

Сол Вилльямс проснулся в утренней тиши. Он устало выглянул из палатки, размышляя о том, как далеко от него Земля.

«Миллионы миль, — думал он. — И ничего нельзя сделать. Если твои легкие полны «ржавой крови»... Если ты все время кашляешь»...

В это ничем не примечательное утро Сол проснулся в 7 часов. Это был высокий, худой, истощенный болезнью человек. Утро выдалось тихое. Не было ни малейшего ветерка, и плоское дно мертвого, высохшего моря лежало перед Солом молчаливое и безнадежное. В пустом небе висело маленькое, негреющее Солнце. Сегодня оно было ясно видно. Он вымылся и съел завтрак.

После этого ему нестерпимо захотелось на Землю. В течение дня он перепробовал всевозможные способы, чтобы хоть на миг оказаться в Нью-Йорке. Однако, по большей части, ничего не получалось.

Позднее, тем же утром, Сол пытался умереть. Он лежал на песке и приказывал своему сердцу остановиться. Оно продолжало биться. Он представлял себе, как прыгает со скалы или перерезает себе вену, но сам же и издевался над этими

мечтами — он знал, что у него не хватит отваги ни на то, ни на другое.

«Может быть, если я сожмусь в комок и буду достаточно сильно хотеть этого, то я смогу просто заснуть и больше никогда не просыпаться», — думал он.

Он попробовал и это. Часом позже он проснулся, и рот его был полон крови. Он поднялся, выплюнул кровь. Ему было очень жаль себя. Эта ржавая кровь — она заполняет твой рот и твой нос, она сочится через уши и ногти на руках. Ей требуется год, чтобы убить тебя. И единственный способ борьбы — запихнуть тебя в ракету и выстрелить тобою на Марс. Земля не знает средства против болезни и не может допустить, чтобы ты заражал остальных. И вот ты на Марсе, истекающий кровью и одинокий.

Сол прищурил глаза. Вдали, у руин древнего города он увидел человека, лежащего на грязном одеяле.

Когда Сол подошел поближе, человек на одеяле слабо шевельнулся.

— Привет, Сол, — сказал он.

— Еще одно утро, — ответил Сол. — Боже, как я одинок.

— Это проклятие «заржавелых», — ответил человек на одеяле. Он был очень бледен, и казалось, исчезнет, если до него дотронуться.

— Хотел бы я, — сказал Сол, посмотрев на человека, — чтобы ты мог хотя бы разговаривать. И почему это получается, что интеллектуалы никогда не заболевают ржавой кровью и не попадают сюда?

— Они в заговоре против тебя, Сол, — ответил человек, закрывая глаза: У него было слишком мало сил, чтобы держать их открытыми. — Когда-то у меня было достаточно сил,

чтобы быть интеллектуалом. Теперь для меня мышление — тяжелая работа.

— Если бы мы могли побеседовать, — сказал Сол Вилльямс.

Человек лишь слабо пожал плечами.

— Приходи завтра. Может, у меня хватит сил поговорить об Аристотеле. Я постараюсь. Обещаю тебе.

Он слабо шевельнулся и открыл один глаз.

— Помнишь, однажды мы разговаривали об Аристотеле, полгода назад. Тогда у меня выдался хороший денек.

— Я помню, — сказал Сол, не слушая. Он глядел на дно мертвого моря. — Иногда мне хочется быть совсем больным, вроде тебя. Тогда, да, возможно, я не волновался бы из-за того, что я не интеллектуал. Может, тогда я обрел бы покой.

— Через шесть месяцев ты таким станешь, — ответил умирающий. — И тогда ничто не будет волновать тебя, кроме сна, одного только сна. Сон будет для тебя, как женщина. Ты всегда будешь к ней возвращаться, потому что она преданна и добра и действует освежающе, и обращаться с тобой будет всегда ровно и мягко. Просыпаться ты будешь только для того, чтобы иметь возможность думать о возвращении в сон. И эти мысли будут очень приятны.

Голос человека на одеяле стал едва различимым. Наконец он совсем прервался и сменился неглубоким ровным дыханием.

Сол пошел дальше.

Вдоль берега умершего моря тут и там, как выброшенные приливом пустые бутылки, валялись тела спящих людей. Сол видел их всех, лежащих вдоль берега высохшего моря. Один, два, три — все спят по отдельности, большин-

ство в худшем состоянии, чем он сам; у каждого свой тайник с провизией; каждый сам по себе, ибо общение и разговоры ослабляют, а сон идет на пользу.

Поначалу они иногда разводили по ночам костер, сидели вокруг него и разговаривали о Земле. Это была единственная их тема. О Земле, о том, как журчит вода в ручьях, каков на вкус земляничный пирог и как выглядит Нью-Йорк, когда ты ранним утром переправляешься на пароме с Джерси и тебя обдувает соленый влажный ветерок.

Хочу на Землю, думал. Сол. Хочу до боли. Я хочу того, чего у меня не будет никогда. И они тоже хотят и тоже страдают от того, что никогда этого не будет. Эта жажда сильнее, чем жажда пищи или жажда женщины, это жажда Земли. Проклятая болезнь так меня ослабила, что женщины мне уже и не нужны. Но Земля — это другое дело. Это не желание слабого тела, это тяга разума.

В небе ярко сверкнул металл.

Сол поглядел вверх.

И снова увидел блеск металла.

Через минуту на дно высохшего моря опустилась ракета. Открылся люк шлюзовой камеры, из него вышел человек, неся в руках нехитрый багаж. За ним вышли два человека в защитных бактерицидных костюмах. Они вытащили большие контейнеры с пищей, установили для ново-прибывшего палатку.

Еще через минуту ракета вновь взмыла в небо. Изгнанник остался в одиночестве.

Сол припустил бегом. Он не бегал уже несколько недель, и это было очень тяжело и мучительно, но он бежал и кричал на ходу:

— Хэлло, хэлло!

Когда он приблизился к молодому человеку, тот осмотрел его сверху донизу.

— Хэлло, — сказал он. — Это значит и есть Марс... Меня зовут Леонард Марк.

— А меня — Сол Вилльямс.

Они обменялись рукопожатиями. Леонард Марк был очень молод — на вид ему было не больше 18. Светловолосый, с розоватым лицом и голубыми глазами, он выглядел свежим, не смотря на свою болезнь.

— Ну, как там Нью-Йорк? — спросил Сол.

— Да примерно так, — ответил Леонард Марк. И посмотрел на Сола.

Посреди марсианской пустыни возник Нью-Йорк, зримый, осязаемый, из камня и стали, но продуваемый марсианским ветром. Неонки полыхали электрическими радугами. В ночной тиши шурша проносились желтые такси. Высились мосты, и в полночной гавани перекликались буксиры. На сценах мюзикхоллов взвивались занавесы с блестками.

Сол в испуге обхватил голову руками.

— Стой, погоди! — закричал он. — Со мной что-то случилось! Что со мной? Я сошел с ума!

На деревьях Центрального Парка пробивалась молодая, зеленая листва. Сол шел по аллее и вдыхал ее аромат.

— Стой, остановись, дурак! — закричал он самому себе. Он стиснул ладонями виски. — Этого не может быть!

— Может, — ответил Леонард Марк.

Башни Нью-Йорка сгнули. Марсианская пустыня вернулась. Сол стоял на пустом морском дне и бессмысленно пялился на новичка.

— Вы, — сказал он, протягивая руку к Марку Леонарду. — Вы это сделали. Вы это сделали

с помощью какой-то своей психической способности.

— Да, — согласился Леонард Марк.

Они молча глядели друг на друга. Наконец Сол, весь трепеща, схватил руку новенького и долго тряс ее, приговаривая:

— О, как я рад, что вы прибыли сюда! Если бы вы знали, как я счастлив!

Они пили крепкий горячий кофе из оловянных чашечек.

День был в разгаре. Они проговорили все теплое время.

— И эта ваша способность... — говорил Сол, пристально глядя на юного Леонарда Марка поверх чашечки.

— Она у меня от рождения, — сказал Марк, глядя на свой кофе. — Моя мать была в Лондоне во время заварушки 57 года. А спустя десять месяцев родился я. Не знаю даже, как назвать эту мою способность. Телепатия, передача мыслей на расстояние... Я к ней привык и пользуюсь ею. Я объездил полмира. «Леонард Марк, психический феномен», — так писали на афишах. Под конец я выдохся. Большинство считало меня шарлатаном. Вы же знаете, что люди думают о тех, кто связан с шоу-бизнесом. Только я знал, что мой дар подлинный, но я не считал нужным никого убеждать. Так было даже безопаснее. Ну, конечно, несколько моих близких друзей знали о моих настоящих способностях. Некоторые мои таланты пригодятся мне, раз уж я попал сюда, на Марс.

— Вы напугали меня до смерти, — сказал Сол, держа в руке остывшую чашку. — Когда Нью-Йорк вырос прямо из-под земли, я решил, что свихнулся.

— Это что-то вроде гипноза, затрагивающего все органы чувств — глаза, уши, нос, язык, кожу. Чего бы вы сейчас больше всего хотели?

Сол отставил свою чашку. Он старался унять дрожь в руках. Облизнул пересохшие губы.

— Мне бы хотелось оказаться на берегу ручья, в котором я часто купался ребенком. Это в Меллин-таун, штат Иллинойс. Я бы хотел снова поплавать в нем совершенно голым.

— Прекрасно, — сказал Леонард Марк и слегка повел головой.

Сол закрыл глаза и откинулся на песок.

Леонард Марк сидел и глядел на него.

Сол лежал на песке. Временами его руки двигались, возбужденно дергались. Губы его шевелились, он то сжимал их, задерживая дыхание, то расслаблял, с шумом выдыхая воздух.

Затем Сол начал размеренно загребать руками и вращать головой, ритмично вдыхая воздух с одной стороны и выдыхая на другую. Тело его раскачивалось, он разбрасывал в стороны желтый песок.

Леонард Марк не спеша допил свой кофе. И пока пил, не сводил глаз с шевелящегося, что-то шепчущего Сола, лежащего на дне умершего моря.

— Нормально, — сказал Леонард Марк.

Сол выпрямился, сел, потирая рукой лицо.

После паузы он сказал Леонарду Марку:

— Я видел ручей. Я бежал по берегу и сбрасывал с себя одежду, — на его лице была недоверчивая улыбка. — И я плавал и нырял!

— Я рад за вас, — сказал Леонард Марк.

— Вот, — Сол извлек из кармана последнюю плитку шоколада. — Это вам.

— Что это? — Леонард Марк поглядел на

подарок. — Шоколад? Вздор, я это делаю не за плату. Я это делаю, потому что это вас радует. Спрячьте шоколадку назад в карман, пока она не превратилась в гремучую змею и не укусила вас.

— Спасибо! Спасибо! — Сол спрятал шоколадку. — Вы не представляете, насколько хороша была вода в ручье.

Он сходил за кофейником.

— Еще кофе?

Разливая кофе в чашки, Сол на мгновение закрыл глаза.

«У меня в гостях побывает Сократ, — думал он. — Сократ и Платон, а потом Ницше и Шопенгауэр. Этот человек, судя по его речам, гений. Просто невероятнейший талант! Какие нам предстоят приятные дни и прохладные ночи и какие беседы! Это будет не такой уж плохой год.»

Он не замечал, что льет кофе мимо чашки.

— Что случилось?

— Ничего, — Сол вздрогнул и сконфузился.

«Мы побываем в Греции, — думал он. — В Афинах. Побываем в Риме, если захотим, когда будем изучать римскую историю. Мы будем осматривать Парфенон и бродить по Акрополю. И это будут не просто разговоры, а настоящие путешествия. Этот человек сможет так устроить. Он все может. Когда мы будем говорить о пьесах Расина, он сможет создать сцену и актеров и все такое прочее для меня. Боже мой! Это будет даже лучше, чем настоящая жизнь! По неволе придешь к выводу, что лучше быть больным здесь, на Марсе, чем жить на Земле и не знать этого года! Многие ли видели представления древнегреческой драмы в древнегреческом амфитеатре в 31 г. до н. э.? И если я попрошу

искренне и вежливо, сможет ли он принять облик Шопенгауэра или Дарвина, или Бергсона, или любого другого мыслителя прошлого?.. Ну, конечно, почему нет? Сидеть и беседовать с Ницше, разговаривать с самим Платоном!..»

Все это хорошо, если бы не одно обстоятельство. Сол почувствовал, что земля уходит у него из-под ног.

Другие люди. Другие больные, разбросанные по дну умершего моря.

В отдалении он увидел фигурки направляющихся к ним людей. Они тоже видели садящуюся ракету, видели, как выгружают новенького, и теперь медленно и мучительно ковыляли, чтобы поприветствовать его.

Сол похолодел.

— Слушайте, — сказал он. — Марк, я думаю, нам лучше отправиться в горы.

— Почему?

— Видите этих приближающихся людей? Некоторые из них ненормальны.

— В самом деле?

— Да.

— Это следствие болезни и изоляции?

— Да, именно. Нам лучше уйти.

— Они не выглядят опасными. Они движутся так медленно.

— Это только видимость.

Марк посмотрел на Сола.

— Вы дрожите. С чего бы это?

— У нас нет времени на разговоры, — сказал Сол, быстро подымаясь. — Идемте. Неужели вы не понимаете, что случится, как только они откроют ваш талант? Они начнут драку из-за вас. Они будут убивать друг друга... убьют вас... за право владеть вами.

— Но я никому не принадлежу, — заявил

Леонард Марк. Он глянул на Сола. — Никому. И вам, в том числе.

Сол дернул головой.

— Я даже не думал об этом.

— И теперь не думаете? — засмеялся Марк.

— У нас нет времени на споры, — ответил Сол. Щеки его горели, веки дергались.

— Идемте!

— Я не хочу. Я намерен остаться здесь и дожидаться этих людей. Вы немного возбуждены. Моя жизнь принадлежит только мне.

Сол чувствовал в себе нарастающую темную ярость. Лицо его дрожало.

— Ты слышишь, что я говорю!?

— Как быстро вы превратились из друга во врага, — заметил Марк.

Сол ударил его. Это был быстрый, точный удар, но он промахнулся.

Марк, увернувшись от удара, засмеялся успокаивающе.

— Ну-ну... Это ни к чему.

Они находились в центре Таймс Сквэр. Мимо с ревом проносились автомобили. Водители возмущенно сигналили. Над их головами высились небоскребы, раскаленные в голубоватой дымке.

— Это обман! — закричал Сол, ослепленный ярким видением. — Ради бога, Марк, прекратите! Они сейчас придут сюда. Они убьют вас!

Марк сидел на тротуаре и смеялся, радуясь своей шутке.

— Пусть приходят. Я смогу одурачить всех их!

Нью-Йорк ошеломил Сола. Он и должен был ошеломлять — ошеломлять, приковывать внимание своей нечестивой красотой. Сколько месяцев он не видел всего этого! Он не мог напасть на

Марка. Вместо этого он просто стоял, впитывая далекие теперь, но такие родные виды.

Он закрыл глаза.

— Нет.

Он упал вперед, увлекая за собой Марка. Қлаксоны надрывались. Шуршали шины и визжали тормоза. Изо всех сил он ударил Марка в подбородок.

Тишина.

Марк лежал на дне моря.

Взвалив потерявшего сознание человека на плечи, Сол тяжело побежал.

Нью-Йорк исчез. Осталось только бескрайнее безмолвие мертвого моря. Остальные больные были уже близко. Они окружали его. Он бежал к холмам, неся на плече драгоценный груз — Нью-Йорк и зеленые деревенские пейзажи, весенние грозы и старых друзей — все это он нес на своем плече. Один раз он упал, но, задыхаясь и шатаясь, поднялся и побежал дальше. Он бежал, не останавливаясь.

Ночь наполняла пещеру. Ветер продувал ее насквозь, разжигая маленький костер, разбрасывая искры и золу.

Марк открыл глаза. Он сидел лицом к костру, спиной прислонясь к стене пещеры. Он был связан веревкой.

Сол подбрасывал в костер топливо, время от времени нервно оглядываясь на вход в пещеру.

— Ты дурак.

Сол вздрогнул.

— Да, — сказал Марк, — именно дурак. Они разыщут нас. У них есть еще шесть месяцев, и им совершенно нечего делать. Они нас найдут.

Они видели Нью-Йорк издали, как мираж. И они видели нас в его центре. Неужели ты думаешь, что они не заинтересуются и не попытаются нас выследить?

— А я уведу тебя еще дальше, — ответил Сол, пристально глядя в ночь.

— Они тоже пойдут дальше.

— Заткнись.

Марк усмехнулся.

— Так-то ты разговариваешь со своей женушкой?

— Говорю тебе — заткнись!

— Согласись, очень гармоничный брак — твоя алчность и мои ментальные способности. Чтобы ты хотел сейчас увидеть? Показать еще пару сцен из твоего детства?

Сол почувствовал, что лоб его покрыла испарина. Он не понимал — шутит Марк или нет.

— Да, — сказал он.

— Хорошо, — ответил Марк. — Гляди!

Языки пламени били из скалы. Сол задыхался в серном облаке. Струи серного пламени вырывались из расщелин. Стены пещеры сотрясались. Сол кашлял, тыкался вслепую, вытягивался в струнку, обожженный, ослепленный, иссушенный в этом аду.

Затем ад исчез. Он снова был в пещере.

Марк смеялся.

Сол стоял над ним.

— Ты, — сказал он холодно, наклоняясь к Марку.

— А чего ты еще ожидал? — воскликнул Марк. — Тебя связывают, похищают, делают интеллектуальной женой человека, свихнувшегося от одиночества... Что ж ты думаешь — мне это нравится?

— Я развяжу тебя, если ты пообещаешь не убегать от меня.

— Я ничего не собираюсь обещать. Я свободный человек. Я никому не принадлежу.

Сол опустился на колени.

— Но ты должен кому-то принадлежать, слышишь? Ты должен. Я не могу позволить себе упустить тебя!

— Дружище, чем больше ты несешь этот вздор, тем упрямее становлюсь я. Если бы ты смог проявить благоразумие и вести себя пристойно, то мы стали бы друзьями. Я был бы только рад проделывать для тебя все эти гипнотические чудеса. Мне это ничего не стоит. Для меня это забава. Но ты все испортил. Ты хочешь, чтобы я целиком принадлежал тебе. Ты боишься, что другие уведут меня от тебя. Ты заблуждаешься. У меня достаточно силы, чтобы сделать всех вас счастливыми. Я мог бы принадлежать всем вам, как котенок в многодетной семье. Я бы чувствовал себя, как сошедший к детишкам добрый бог, творящий добрые чудеса, а взамен вы одаривали бы меня всякими мелочами, вроде той твоей шоколадки.

— Прости меня, прости! — воскликнул Сол. — Но я слишком хорошо знаю этих людей.

— А ты разве отличаешься от них чем-нибудь? Сомневаюсь! Кстати, выгляни-ка наружу — не идут ли они. Мне кажется, что я слышу шум.

Сол вскочил на ноги. Он долго вглядывался в ночное ущелье, приставив ладонь к глазам. Там шевелились неясные тени. Может быть, это были клубки марсианского перекасти-поля, раскачиваемые ветерком? Он начал дрожать — болезненной, сладко-томительной дрожью.

— Я ничего не вижу, — сказал он, вернув-

шись в пещеру. И устался на пустое место у костра.

— Марк!

Марка не было.

Не было ничего, кроме пещеры, валунов, камней, гальки, одиноко мерцающего костерка да вздохов ветра. Сол стоял, оцепенев от изумления.

— Марк! Марк! Вернись!

Ясное дело, парень освободился от пут — медленно, осторожно, затем внушил ему шум приближающихся людей, а сам смылся. Но куда?

Пещера была глубокой, но заканчивалась глухой стеной. А мимо него Марк проскочить никак не мог. Следовательно?

Сол обогнул костер. Он вытащил нож и приблизился к большому валуну, привалившемуся к стене пещеры. Улыбаясь, он постучал по валуну рукояткой ножа. Затем поднял нож так, словно намеревался с размаху пронзить валун.

— Стой! — закричал Марк.

Валун исчез. На его месте сидел Марк.

Сол придержал руку с ножом. Огненные блики плясали на его щеках. Глаза горели безумием.

— Не вышло у тебя, — прошептал он. Он протянул руку и вцепился пальцами в горло Марка. Марк молчал, только напрягал мышцы, но глаза его светились иронией. Они как бы говорили Солу вещи, которые он и без того знал.

— Если ты убьешь меня, — говорили глаза, — куда сгинут все твои грезы? Если ты убьешь меня, куда исчезнут все ручьи и горные потоки? Убей меня — убей Платона, Аристотеля, Эйнштейна... Да, убей всех нас! Валяй, души меня. Ну давай же!

Сол разжал пальцы.

У входа в пещеру мелькнула тень.

Оба повернули головы.

В пещеру входили остальные изгнанники. Все пятеро, измотанные долгой дорогой, задыхающиеся.

— Добрый вечер, — засмеялся Марк. — Входите, джентельмены, добро пожаловать.

Когда рассвело, ругань и споры все еще продолжались. Марк сидел среди свирепо сверкающих глазами спорщиков и растирал только что освобожденные от пут кисти рук. Он превратил пещеру в облицованный красным деревом конференц-зал и сотворил посреди нее мраморный стол, за которым и сидели все эти небритые, грязные, потеющие, алчные люди, пожирающие свое сокровище. От них исходил тяжелый запах — запах самого Зла.

— Договоримся так, — сказал наконец Марк, — для каждого из вас устанавливаются определенные часы или дни для встречи со мной. Я буду обходиться с вами одинаково. Будем считать, что я — общественная собственность, обладающая правом свободы передвижения. Я думаю, это справедливо. Что касается Сола, то ему будет назначен испытательный срок. Если он оправдается в моих глазах, я снова дам ему сеанс-другой. До этого времени я не хочу иметь с ним никаких дел.

Остальные изгнанники ухмыльнулись, глядя на Сола.

— Извини, — сказал Сол, — я сам не знал, что делаю. Сейчас я уже пришел в себя.

— Увидим, — ответил Марк, — давай не будем спешить. Месяц, я думаю, достаточный срок на размышление.

Остальные еще раз ухмыльнулись в сторону Сола.

Сол ничего не ответил. Он молчал, уставившись в каменный пол пещеры.

— Теперь с вами, — сказал Марк. — Понедельник будет твоим днем, Смит.

Смит кивнул.

— По вторникам я примерно в течение часа работаю в Питером.

Питер кивнул.

— По средам занимаюсь с Джонсоном, Холцманом и Джимом, вот.

Трое названных переглянулись.

— Конец недели должен быть мой, вы оставляете меня совсем одного, слышите? — сказал им Марк. — Может, это немного, но это лучше, чем ничего. Если вы не согласны на эти условия, то я вообще не буду устраивать сеансов.

— Мне кажется, ты их будешь устраивать, — сказал Джонсон. Он скосил глаза и перехватил взгляды остальных. — Ребята, нас пятеро, а он один. Мы с ним можем сделать все, что хотим. Если мы дружно возьмемся за дело, то устроим себе хорошую жизнь.

— Не будьте дураками, — предупредил остальных Марк.

— Дайте мне сказать, — продолжал Джонсон. — Он говорит нам, что он намерен делать. Почему бы теперь ему не послушать, что мы будем делать? Разве мы не сильнее его? А он угрожает нам тем, что не будет давать сеансов! Прекрасно, дайте его мне! Можно загнать ему под нготь деревянную щепочку, можно слегка обжечь ему пальчики раскаленным напильником... Тогда и посмотрим — откажется ли он давать сеансы. Почему бы нам, хотел бы я знать, не иметь представления каждую ночь, всю неделю?

— Не слушайте его, — сказал Марк. — Он сумасшедший. Ему нельзя верить. Знаете, что

он с вами сделает? Он расправится с вами по-одиночке, убьет одного за другим, так, чтобы остаться одному — чтобы остались только он да я. Это такой тип.

Мужчины переглядывались, моргали глазами, смотрели то на Марка, то на Джонсона.

— И вообще, — заметил Марк, — в этом деле ни один из вас не может доверять другим. Это какое-то сборище идиотов. В ту самую минуту, когда кто-нибудь повернется спиной к остальным, он будет ими убит. У меня такое ощущение, что к концу недели вы все будете трупами или умирающими.

Холодный ветер продувал комнату из красного дерева. Комната растворилась и снова превратилась в пещеру. Марку надоела его шутка. Мраморный стол расплылся, деформировался, растекаясь по полу и испарился.

Изгнанники глядели друг на друга звериными сузившимися зрачками, их глаза светились. Они знали, что все сказанное — правда. Им мерещилось будущее — засады, убийства, схватки — до тех пор, пока последний счастливчик не останется один, чтобы самому насладиться доставшимся ему интеллектуальным сокровищем.

Сол глядел на них и чувствовал себя очень одиноким и несчастным. Стоит совершить ошибку и как же трудно потом признать свою неправоту, вернуться назад, начать сначала. Все они неправы. Они давно уже были погибшими душами, а теперь они еще хуже, чем погибшие.

— И что хуже всего, — сказал под конец Марк, — у одного из вас есть револьвер. А у остальных только ножи. Но один точно имеет револьвер, я знаю.

Все вскочили на ноги.

— Общайте друг друга! — сказал Марк. —

Отыщите того, с револьвером, или вам всем конец!

Они послушались. Они метались и суетились, не зная, кого первого обыскать. Они хватали друг друга за руки и орали, а Марк с отвращением следил за ними.

Джонсон упал на спину, шаря рукой у себя за пазухой.

— Ну, хорошо же, — кричал он. — Раз так, то получайте! Вот тебе, Смит!

И он выстрелил Смиту в грудь. Смит упал. Остальные завопили и бросились врассыпную. Джонсон прицелился и выстрелил еще два раза.

— Стой! — закричал Марк.

Вокруг них из камней вырос Нью-Йорк. Солнце горело в стеклах высоких башен. Грохотали надземки. В гавани гудели буксиры. Зеленая дама с факелом в руке глядела в воды залива.

— Смотрите, дураки! — сказал Марк.

Центральный парк сверкал созвездиями весенних бутонов. Ветерок нес волны запахов над свежестриженными газонами.

А в центре Нью-Йорка барахтались перепуганные люди. Джонсон выстрелил еще три раза. Сол побежал к нему. Он налетел на Джонсона, свалил его на землю, стал выворачивать ему руку с револьвером. Револьвер выстрелил еще раз.

Все замерли.

Сол держал Джонсона за руки, придавив ему грудь коленом. Но тут они прекратили борьбу.

Наступила ужасная тишина. Нью-Йорк погружался в море. С шипением, бульканьем, вздохами. Со скрежетом ломаемого металла и гибнущих старых времен огромные конструкции деформировались, расплывались, таяли, проваливались в никуда.

Марк стоял среди зданий. В его груди зияла аккуратная красная дырочка. Затем он беззвучно упал, как и созданный им город.

Сол застыл, глядя на его тело, на лица остальных людей. Потом встал, держа в руках револьвер.

Джонсон не шевелился — был слишком напуган, чтобы шевелиться.

Они все закрыли глаза, потом открыли, думая, что это поможет оживить лежащего перед ними человека.

В пещере было холодно.

Сол стоял, отрешенно глядя на револьвер в своей руке.

Затем он выбросил его из пещеры и не стал смотреть, где тот упадет.

Они глядели на тело, как будто не могли поверить своим глазам. Сол нагнулся и тронул безжизненную руку.

— Леонард? — он встряхнул руку. — Леонард!

Леонард Марк не шевелился. Его глаза были закрыты, он не дышал. Его тело уже начало остывать.

Сол поднялся на ноги.

— Мы убили его, — сказал он, ни на кого не глядя. Во рту он ощущал какой-то отвратительный привкус. — Единственного, кого мы не хотели убивать, мы и убили.

Он поднес к глазам трясущуюся руку. Остальные стояли, не двигаясь.

— Принесите лопату, — сказал Сол. — Похороните его.

Он отвернулся.

— Не хочу иметь с вами никаких дел.
Кто-то побрел за лопатой.

Сол так ослабел, что не мог двигаться. Ноги его вросли в землю, как корни, глубоко погруженные в одиночество, страх и холод ночи. Костер почти погас, и только две луны освещали верхушки голубых гор.

Послышался стук лопаты, вгрызающейся в землю.

— В любом случае, он нам не нужен, — сказал кто-то слишком громко.

Лопата продолжала копать. Сол медленно побрел прочь, наткнулся на темное дерево, опустился на песок, прислонился к его стволу и сложил руки на коленях.

«Сон, — думал он. — Теперь нам остается только сон. По крайней мере, этого-то у нас предостаточно. «Заснуть и видеть сны, быть может...» Быть может, Нью-Йорк или еще что-нибудь...»

Он устало закрыл глаза, ощущая, что в носу и во рту, и под дрожащими веками скопилась ржавая кровь.

— Как это он делал? — спросил он усталым голосом. И уронил голову на грудь. — Как это он переносил сюда Нью-Йорк, так, что мы могли ходить по его улицам? Может, попробовать? Это, должно быть, слишком сложно.

— Думай! Думай о Нью-Йорке, — прошептал он, погружаясь в сон. — Нью-Йорк и Центральный Парк, и Иллинойс весной, и цветущие яблони, и зеленая трава.

У него ничего не получилось. Это было совсем другое. Нью-Йорк исчез, и он ничего не мог сделать, чтобы вернуть его. Каждое утро он будет просыпаться и выходить на дно мертвого моря и глядеть на него, пытаюсь найти здесь Нью-Йорк; до последних дней своих он будет

ходить по Марсу, пытаясь найти здесь Землю, и никогда он не найдет ее. А под конец, когда иссякнут силы, он будет лежать, пытаясь найти Нью-Йорк в собственной голове, но и там ничего не отыщет.

Последнее, что он слышал перед тем, как заснуть, был звук лопаты, копавшей яму, в которую погружался Нью-Йорк с его красками, запахами, шумом и золотым туманом.

Всю ночь он плакал во сне.

ВЛАДИМИР ПУГАЧ

ДАЛЬНИЙ ПОИСК

— Стоп! — командир решительно ударил ладонью по подлокотнику и резко поднялся с кресла, так, что хрустнули суставы.

— Дискуссия окончена. Со мной пойдут: ты, ты и ты!

— И я, — мрачно сказал биолог, здоровенный бритоголовый парень в грубом сером свитере, пятнистых маскировочных штанах, заправленных в высокие шнурованные сапоги, и с ножом, пристегнутым к бедру.

— И ты. Всем марш за скафандрами! Готовность пять минут.

Четыре пары подошв загрохотали по трапу. Взвилась пыль, автоматически заработал вентилятор, потянуло сквозняком. Командир чихнул, высморкался и обвел взглядом оставшихся.

— Старшим по кораблю назначаю тебя, — он ткнул пальцем в угрюмого Свенсона. Свенсон

кивнул, передвинул кобуру на живот и расстегнул ее.

— Удачи вам, командир.

— Лапу не сосать, пощады не давать! — командир широко улыбнулся и повернулся к радисту.

— Ты, Микеш, не спи, а слушай. Связь как обычно. Ну, держи карман!

С этими словами он захлопнул за собой люк.

Все понурились и, не глядя на Свенсона, разбрелись по местам. Свенсон поднялся в рубку, сел в командирское кресло, закинул ногу на ногу и закурил сигарету с зеленым ободком...

Через десять минут колоссальный «Хамор» превратился в тусклую звездочку и затерялся среди тысяч таких же. Планетарный катер нырнул вниз, пронесся над терминатором и, оставляя в стратосфере дугообразный след, пошел на посадку туда, где занималось утро. С громом продираясь сквозь атмосферу, теряя скорость, он скользнул ниже розовых облаков и помчался над планетой. Пилот крутил головой, выбирая место для посадки. Командир тронул его за плечо и указал влево, на озеро, блеснувшее свинцом у горизонта. Пилот кивнул, прорычал что-то (команда пристегнула ремни) и заложил пологий вираж со снижением. Со свистом вспоров сияющую гладь, катер взревел двигателями, подымая кипящую волну, подрулил к берегу, ткнулся в гальку и стих. Стало слышно, как кто-то орет на берегу дурным голосом, прерывисто, захлебываясь криком. С хрустом открылся передний люк, и командир в серебристом скафандре спрыгнул на камни, держа наготове два пистолета. Вслед за ним охотник выставил в люк ствол лучемета

и осмотрелся. Вой смолк, стало тихо. Катер стоял у берега большого спокойного озера. Высоко в светлеющем небе плыло розовое облако, и восход бросал на грубые каменные берега нежные оранжевые блики. Командир отошел, оглянулся и выстрелил в самый большой камень. Он помнил хрестоматийный случай, когда на Кисхаашахас такие вот камешки сожрали пол экспедиции. Камень лопнул поперек, развалился, и половины вагорелись ровным фиолетовым пламенем. Изпод камня выскочило несколько маленьких двуногих зверьков, стремительно кинувшихся прочь и попрятавшихся под другие камни. Хрустя башмаками по осыпи, командир выбрался наверх. Охотник и пилот поднялись за ним. Разведчикам открылся вид на широкую степь с разбросанными там и сям темно-рыжими кустами. Вдали виднелись горы. По степи в сплошном облаке пыли мчался прочь огромный табун каких-то животных. Грохот бега слышен был даже здесь. Спрятав пистолеты, командир обернулся.

— Если мы найдем аборигенов, — хрипло сказал он, — никаких эксцессов! И чтоб не тарасились на них, как дикие! Хватит с нас Тауриды!

На Тауриде пристальный взгляд считается признаком агрессивности и недоброжелательства. В тамошней битве было истреблено целое племя, а инженеру оцарапали лоб стальной дубиной.

Катер, урча моторами, выбрался на мягких гусеницах на вершину холма и взлетел. Предстояло искать какой-нибудь поселок.

— «Хамор», «Хамор» «Хамор», говорит группа поиска, говорит группа поиска! Микеш, сукин сын, опять спишь на посту?

— Микеш не спит, командир. «Хамор» слушает.

— Так слушай! Мы тут кружим над деревушкой. Десятка два соломенных хижин, а внизу чего-то такое, вроде на шести ногах. Целая толпа. Глядят на нас. Идем на посадку.

Катер спланировал на пустырь за деревней, пробежался, подняв тучу рыжей пыли, и мягко сложил крылья. К нему тут же набежала примерно сотня шестилапых кентавров, каждый из которых тянул к катеру одну-две, а кое-кто и три руки, сложенных лодочкой. При этом все они скрипели и визжали самым диким образом, вращая крупными ярко-желтыми глазами.

— Вот черт, за кого они нас принимают? — пробурчал командир, не решаясь открыть фонарь. Кентавры выли с нарастающим энтузиазмом. Писались легкие удары по броне, сначала редкие, потом чаще. Пилот нервно пожевал губами и глянул на командира. Тот кивнул. Пилот дернул рычаг, катер с ревом крутнулся, заорал прижатый кентавр, толпа отхлынула, и вопли моментально стихли. Теперь кентавры окружали катер плотным кольцом, держась на почтительном расстоянии.

Командир откинул стеклолитовую пластину фонаря и выставил пистолет. Кентавры забормотали. Высунувшись из люка, командир обозрел толпу, усиленно вращавшую глазами, и ткнул стволом в направлении одного из кентавров, на груди которого в несколько рядов висело что-то вроде костяных бус. Тот понял, шагнул вперед и при общем молчании пропел визгливым голосом длинную фразу, после чего протянул руку. Командир лягнул ногой сидевшего в катере биолога и зашипел: «Дайте мне что-нибудь.» В катере началась лихорадочная возня. Кентавр ждал. Наконец, командир ткнул ему в руку маленькое зеркальце. Кентавр схватил его и, не разгляды-

вая, сунул назад, в надвинувшуюся толпу. Сказал что-то через плечо и протянул руку снова.

— Ну, парень, ты нахал! — вежливо сказал охотник.

Однако столь плодотворно начавшаяся встреча была неожиданно прервана. Кентавры вдруг завертели головами, словно прислушиваясь, беспокойно забормотали что-то друг другу и начали потихоньку пятиться от катера. Вдалеке загредел гром, от горизонта быстро пошла густо-черная туча, и потерявшие интерес к пришельцам кентавры внезапно изменили цвет. Из темно-фиолетовых они стали светло-зелеными, понурили головы и разошлись, волоча ноги по густой пыли. Обескураженный командир закрыл фонарь и сел в кресло пилота. Катер проехал по деревне. Между хижинами уныло слонялись светло-зеленые кентавры. Никто из них от дождя не прятался. Биолог задумчиво смотрел в стеклолит и теребил бороду, инженер бормотал про себя: «Харе Кришна, Харе Рама» и потихоньку раскачивался. Пилот озабоченно осматривал свой пистолет, упорно стараясь не поворачивать его дулом к себе. Лишь охотник тихо улыбался, поглаживая ствол дальнобойного лучемета, который он держал между колен.

Командир увеличил скорость. Степь, покачиваясь, понеслась навстречу. Дождь кончился так же внезапно, как и начался. Туча растаяла, и яркий свет вновь заливал равнину. Катер мчался неведомо куда, покачиваясь, словно на волнах, рокотали гусеницы, уютно гудел двигатель, а за стеклолитом плыл и плыл рыжий пейзаж с редкими кустиками на выгоревшей земле.

Прошло полчаса.

— «Хамор» вызывает группу поиска. «Хамор» вызывает группу поиска!

— Да, слушаю!

— Командир, это я, Свенсон. Наши опять напились. Я пока закрыл их в пустом грузовом трюме. Они кричат, что раздерут сторка в клочья.

— Ну и как, разодрали?

— Я же говорю, что все заперты!

— Что они пили?

— Как всегда.

— Если будут очень бушевать, пусти сторка к ним на полчаса.

— Слушаюсь, командир. Ну, как там?

— Ничего определенного. Туземцев нашли, но похоже, что мы тут не первые.

— Ладно, командир, в регистр все равно внесем. Кончаете разведку?

— Нет. Свяжемся еще раз. Может, удастся найти что-то определенное. Жаль будет, если нас и в самом деле опередили.

— Удачи.

Отключив трансивер, командир обернулся к экипажу.

— Парни, глядите в оба. Сами знаете, за свежую планету дают в три раза больше, так что не подкачайте.

Вдали, на фоне колоссальных гор, постепенно выростали огромные серые башни. Город! На предельной скорости катер понесся к нему. Но то, что они увидели, вызвало разочарование. Развалины, явно давным-давно заброшенные и теперь понемногу рассыпающиеся в прах. На окраине командир остановил катер. Экипаж отправился осматривать руины. Командир пощупал немного, разглядывая ржавые остовы колоссальных зданий из стекла и металла, потом включил ревун. Кое-где упали остатки стекол. Люди собрались сразу, только охотник задер-

жался. Наконец появился и он, волоча за собой какую-то тряпку.

— Ну, что нашел? — ухмыльнулся пилот.

— Вот, — охотник развернул тряпку. На ней была вышита сцена охоты. Кентавр стрелял из длинной палки во что-то, напоминающее земную сколопендру. Судя по масштабу, в натуре эта сколопендра была высотой метра три.

— М-дааа... Ладно, брось. Едем дальше.

Пока пересекали город, несколько раз пришлось объехать стоявшие поперек улиц ржавые сооружения на лапах, более всего напоминавшие транспортные средства. Пробираясь сквозь завал на углу двух широких улиц, катер задел гусеницей какую-то коробку. Та раскрылась, из нее выпало несколько блестящих банок.

— Стой!

Биолог выскочил из катера, поднял одну из банок и подал командиру. Тот покрутил ее в руках, присмотрелся к надписи на крышке, громко выругался и погнал катер, не разбирая дороги. Миновав три поворота, они вылетели на широкую площадь. Посреди нее стояла летающая тарелка, и через всю площадь к ней тянулась очередь кентавров. Получив свою порцию какой-то смеси в желтом кубике из лапы плоского паука, который сидел под днищем тарелки, каждый зеленел и отходил в сторону. На прибывших кентавры не обратили никакого внимания, а паук, не отрываясь от раздачи, приветственно помахал длинной лапой.

— Обогнали-таки, сволочи!

Катер с хрустом развернулся, выпустил крылья, взлетел и по радиопеленгу понесся к «Хамору».

Створки отсека приветливо раскрылись им навстречу. Командир зарулил внутрь, подождал,

пока отсек заполнится воздухом, и выбрался из кабины. Команда последовала за ним.

— Стройся! — командир прошел вдоль шеренги и строго сказал: — Не всегда удача улыбается нам. Но это не значит, что мы должны падать духом. Мы еще сорвем свой куш! Вперед, к звездам!

И твердым шагом направился к двери. Стоявший в коридоре сторк лапой отдал командиру честь.

— Спасибо. Ты свободен.

Сторк кивнул и, сложившись вдвое, полез в свою каюту.

Командир прошел в рубку. Свенсон сидел в его кресле, закатив глаза. Несколько окурков с зеленым ободком валялось вокруг, и от резкого запаха дыма у командира закружилась голова.

— Снова накурился, сволочь! — добродушно проворчал командир, стаскивая Свенсона на пол. Пришедший на запах сторк подхватил его и потащил в каюту. Для этого сторков и держали на кораблях — полуразумные, они не пили, не курили, отличались чудовищной силой и ловкостью, а также были невероятно исполнительны и дисциплинированы. Из-за этих качеств их и вывели с Земли, несмотря на то, что они были прямыми потомками одного из земных народов. Их можно было использовать только поодиночке — группа сторков немедленно вступала в конфликт со всеми вокруг, пытаясь заставить всех подражать себе. Но на кораблях в качестве прислуги, а иногда и держиморд они были незаменимы.

Командир открыл корабельный журнал — по традиции из пластбумаги, записи на которой можно делать даже при отсутствии энергии, что

очень важно, например, для следственных комиссий по обстоятельствам катастроф, и записал: «12.08.96. Обнаружена населенная планета. При осмотре установлено, что жители планеты находятся в длительном контакте с парменозами. В соответствии с условиями договора «Земля—Парменозия—Артеноида» покинули планету. Поиск продолжаем. Капитан Марон.»

...гордятся тем, что имеют наиболее развитую службу поиска слаборазвитых цивилизаций. Исторический договор «Земля—Парменозия—Артеноида» открыл новую страницу в деле помощи звездным братьям по разуму. Повседневная деятельность службы разоблачает утверждения фальсификаторов истории о том, что такая помощь якобы вызывает паралич и даже деградацию многих цивилизаций. Нет и не может быть сомнений, что продовольственная, техническая и научная помощь вызывает у слаборазвитых цивилизаций резкий скачок в развитии науки и техники, повышении благосостояния...

СОДЕРЖАНИЕ

Рэй Брэдбери. Новенький.	
Пер. с англ. Е. А. Дрозда	3
Владимир Пугач. Дальний поиск	24

Рэй Брэдбери
НОВЕНЬКИЙ

Владимир Пугач
ДАЛЬНИЙ ПОИСК

Фантастические рассказы
(Фантаkrim-микро. Фантастика, приключения,
детектив)

Составление выпусков «Фантаkrim-микро» —
М. И. Андриюшкин

Редактор выпуска И. А. Боровская

Оформление и художественное редактирование —
С. В. Баленок

Координатор выпуска В. Г. Шлосберг

Сдано в набор 30.11.89. Подписано в печать 22.11.89.
АТ 10793. Формат 60×84/32. Бумага типографская № 2.
Гарнитура литературная. Высокая печать. Усл. печ.
л. 0,93. Уч.-изд. л. 1,21. Заказ № 282-Р. Тираж 100.000
экз. Первый завод 20.000 экз. Цена 30 коп. Издатель-
ство «Прометей» МГПИ имени В. И. Ленина, 119048,
Москва, ул. Усачева, 64. Набрано и отпечатано в ти-
пографии «Циня», 226011, г. Рига, ул. Блауманя, 38/40.